

Лян Сычжэ и сам не мог объяснить, почему стоит у этой двери и подслушивает. С детства его учили хорошим манерам, и он знал правило: «Что не следует слышать, того не слушай». Но, когда несколько минут назад он вышел из туалета и, проходя услышал, как кто-то внутри произнёс его имя и слово «скрипка», он инстинктивно остановился. Его ноги словно приросли к полу. Он стоял за дверью, слушая, как люди внутри походя обсуждают его, то ли смеясь над ним, то ли жалея. Он испытывал какое-то удовольствие от такого самоистязания. Похожее чувство он испытал, когда своими руками сломал свою скрипку. На мгновение ему даже захотелось, чтобы они сказали что-то ещё более обидное. Если рана не заживает, пусть она кровоточит сильнее.

Заговорил Чжэн Инь. Его голос, как всегда, поначалу казался мягким, но прислушавшись, можно было понять, что в нём нет особого тепла:

— Хватит упражняться в остроумии. Раз уж есть кандидат, который умеет играть на скрипке, зачем рассматривать тех, кто не умеет? К тому же, этот Лян Сычжэ, этот ребенок... мне кажется, у него слишком своеобразная аура, иногда даже агрессивная... или напористая? Не знаю, как правильно сказать. Заметили?

— Да, — согласились остальные. — Он действительно сильно выделяется.

Чжэн Инь продолжил:

— В корейской индустрии развлечений его уникальная аура была бы преимуществом — он был бы узнаваем, индивидуален. Это легко привлекло бы к нему поклонников. Но сможет ли он как актёр подавить свою собственную ауру и вжиться в другой образ, особенно в такой, как сяо Мань? Думаю, на этот вопрос сложно ответить. По сравнению с Чжан Минханем, у которого менее выраженная аура, Лян Сычжэ — довольно редкий типаж... Брать его, новичка, на главную роль — большой риск.

Его анализ был объективным, после того как он высказался, веселье стихло. Группа начала серьёзно обсуждать выбор актёров.

— А-Инь прав... — сказал кто-то через некоторое время. — Почему бы нам не остановиться на молодом господине? Чжоу-лаоши написала этот сценарий, вдохновившись его фотографией,

так что с образом точно не будет проблем. К тому же, с личным наставничеством Ли-лаоши молодой господин Цао должен неплохо играть на скрипке, верно? Режиссёр Цао, почему вы сомневаетесь? Он ваш сын, но вы не можете принять решение?

Только тут до Цао Е дошло, что никакого второго главного героя не существует. Они с Лян Сычжэ пробовались на одну и ту же роль. Они оба были кандидатами на роль сяо Маня. С того самого дня, как их отправили в «Лазурную вечеринку», они были соперниками. Цао Е почувствовал себя обманутым. Ему было неприятно. Если они были соперниками, почему им не сказали об этом с самого начала? Зачем было это скрывать? Люди в комнате ждали ответа Цао Сююаня, а двое подростков за дверью были погружены в свои мысли. Цао Е посмотрел на Лян Сычжэ. Тот не выглядел удивлённым, возможно, он понял, что роль одна, из предыдущего разговора.

Цао Е тихо сказал ему:

— Я не знал.

Лян Сычжэ не ответил, только покачал головой. Неясно было, что он имел в виду: «ничего», «всё в порядке» или «мне всё равно». Покачав головой, он на мгновение закрыл глаза, словно те оскорбительные слова были для него слишком тяжелы, и ему нужно было спрятать свою уязвлённую гордость. Цао Е вдруг понял, что ему больше не нужна похвала Цао Сююаня, хотя он всегда, с малых лет, мечтал услышать от него хоть слово одобрения — сказанное лично или другим людям. Но теперь он вдруг испугался, что станет ещё одним грузом, отягощающим эти ресницы, той самой соломинкой, что сломает спину верблюду. «Унизь меня, — мысленно кричал Цао Е, обращаясь к Цао Сююаню. — Смейся надо мной! Ты же мастерски умеешь критиковать и ранить самолюбие. Ну скажи ещё раз, что я ни на что не годен!» Но в этот раз Цао Сююань, вопреки ожиданиям, похвалил его перед всеми.

— Судя по прослушиванию, Цао Е действительно больше подходит по типуажу и внешним данным, — донёсся из-за двери голос Цао Сююаня.

— Только на контрасте лучше видны преимущества. Теперь можешь быть спокоен, Юань-гэ, — со смехом сказал Чжэн Инь. — Кстати, давай вечером поужинаем вместе с сяо Е? — Цао Сююань, видимо, кивнул, и Чжэн Инь продолжил. — Пойду скажу ему, чтобы он подождал.

Послышались шаги, повернулась дверная ручка. Голос Чжэн Иня раздался совсем близко:

— Может, забронировать столик в ресторане?

Лян Сычжэ словно окаменел, но, услышав звук поворачивающейся ручки, пришёл в себя. Пальцы, сжимающие запястье Цао Е разжались, он развернулся и быстро пошёл в сторону туалета. У Цао Е не было времени на раздумья, он быстро последовал за ним. Лян Сычжэ не мог объяснить, почему убегает, также как не мог объяснить, почему только что подслушивал эти оскорбительные замечания. Только они скрылись в туалете, как Чжэн Инь вышел из комнаты. Лян Сычжэ открыл дверь ближайшей кабинки и уже закрывал её, когда Цао Е протиснулся внутрь. Чжэн Инь, очевидно, услышал торопливые шаги в коридоре и через несколько секунд зашёл в туалет.

— Цао Е? — позвал он неуверенно.

В тесной кабинке два подростка стояли лицом к лицу. Они стояли очень близко, и Цао Е видел, как дёрнулся кадык Лян Сычжэ. В этот момент повисла тишина, и даже тихий звук глотания был отчётливо слышен. Цао Е знал, что это непроизвольная реакция, появляющаяся, когда человек нервничает. Он заметил, что Лян Сычжэ побледнел, как лист бумаги, готовый вот-вот разорваться на кусочки от одного прикосновения. На фоне белого лица его опущенные ресницы казались чернильно-чёрными. Они слегка дрожали. Цао Е вдруг ощутил Лян Сычжэ столь же хрупким, как эта тишина, его внутренний мир так легко разрушить. Эта уязвимость заставила его невольно задержать дыхание.

Не получив ответа, Чжэн Инь снова спросил:

— Цао Е, ты там?

Как только Чжэн Инь заговорил, в груди у Цао Е вспыхнул затаённый гнев. Он злился не только на Чжэн Иня, но и на всех тех, кто был в комнате. «Вот сволочи! Что, чёрт возьми, они делали? Перемывать кости другим за их спиной — разве это было по-мужски?!» Не сдержавшись, он распахнул дверь и вышел. Лян Сычжэ изумлённо поднял на него глаза. Испуг в его взгляде тут же сменился смирением. Цао Е понял этот взгляд: «Ну и ладно, будь что будет».

— К чему такая спешка? — недовольно спросил Цао Е, закрывая за собой дверь кабинки. — Я тут, между прочим, просто пописал. Ты хочешь, чтобы я тебя забрызгал?

— Ну ты бы хоть ответил! Я беспокоился, что ты уйдёшь, — сказал Чжэн Инь примирительно, взглянув на закрытую дверь. — Ты один? А где Лян Сычжэ?

— Пошёл купить воды, — буркнул Цао Е. — Дядя Инь, ты нечестно поступаешь. Ничего мне не рассказываешь, — продолжая говорить, он вытолкнул Чжэн Иня из туалета, чтобы избавиться от него.

Звуки шагов и голосов постепенно стихли. В кабинке Лян Сычжэ какое-то время смотрел в пустоту, потом закрыл глаза, и его кадык снова дёрнулся.

— Что я тебе не рассказал? — спросил Чжэн Инь, когда они вышли из туалета.

— Столько людей пробовались на одну роль, а ты сказал, что она написана специально для меня. Что за чушь... Я читал сценарий. Главный герой вырос в бане. Что у нас общего? Получается, вы с Чжоу Жу-цзе считаете, что я похож на сына хозяйки бани? Вечером позвоню маме и расскажу ей об этом...

— Это моя вина, я неправильно выразился. Это моя ошибка, — со смехом объяснил Чжэн Инь. — Ты вдохновил Чжоу Жу, но это не значит, что эта роль написана специально для тебя. Сценарий родился благодаря тебе, этого никто не отрицает... И, хотя твой отец пригласил несколько человек на прослушивание, честно говоря, они просто для количества. У них нет шансов.

— А Чжан Минхань? У него тоже нет шансов?

— Что касается Чжан Минханя... твой отец обычно не берёт одного и того же новичка дважды, так что у него действительно мало шансов, — честно сказал Чжэн Инь.

— А Лян Сычжэ? Вы привезли его издалека, поселили в той дыре... у него тоже нет шансов?

— Насчёт Лян Сычжэ... у него были некоторые шансы, ведь твой отец сам его выбрал. Но после сегодняшнего прослушивания все решили, что он не подходит для этой роли, вернее, не подходит для актёрской профессии, — Чжэн Инь решил, что Цао Е беспокоится о конкуренции, и ободряюще похлопал его по плечу. — Не переживай, если как следует выучишь роль и не оплошаешь на следующем прослушивании, роль сяо Маня точно будет твоей.

— Вы так нечестно поступаете! — Цао Е остановился и, нахмурившись, посмотрел на него. — Привезти человека издалека, поселить в таких ужасных условиях, заставить раздеться догола на прослушивании, а потом отправить восвояси, не оставив ни капли надежды?

— Сяо Е, — Чжэн Инь беспомощно рассмеялся. — Даже не знаю, как сказать... Ты такой наивный. Вместо того чтобы переживать за себя, заступаешься за других.

— А что тут такого?.. — Цао Е выглядел недовольным.

Чжэн Инь с горькой улыбкой покачал головой:

— Скажу так: для обычного человека без каких-либо связей стать кандидатом на главную роль, выбранным самим Цао Сююанем, будет, возможно, самым ярким моментом в жизни, который он будет вспоминать с теплотой. Ты думаешь, все рождаются с таким ореолом главного героя, как ты?.. — он сделал паузу, посмотрел на Цао Е и вздохнул. — Так что, Сяо Е, не упusti свой шанс.

Цао Е не проглотил эту ядовитую пилюлю [1]. Он отвёл взгляд, ясно показывая, что не намерен следовать этому совету.

[1] 毒鸡汤 (dújītāng) — красиво преподнесённые дурные намерения. Дословно переводится как «ядовитый куриный суп». В китайском языке это выражение используется как метафора для обозначения вредных, циничных или пессимистичных советов, замаскированных под позитивные или мотивирующие. Они могут казаться мудростью, но на деле подрывают веру в

себя, демотивируют или оправдывают негативные явления. Ядовитый куриный суп выглядит как полезный питательный бульон, но может навредить здоровью. «Ядовитый куриный суп» — полезный на первый взгляд совет, несущий в себе негативный посыл.

Чжэн Инь решил не заострять на этом внимания и сменил тему:

— Кстати, я пришёл сказать о другом. Твой отец попросил меня передать, чтобы ты подождал. Он хочет, чтобы мы сегодня вечером поужинали втроём. Что бы ты хотел съесть?

— Мой отец не стал бы звать меня с твоей помощью, — Цао Е сразу раскусил обман. Не глядя на Чжэн Иня, он направился к выходу из павильона, уже в дверях сообщив: — И я не хочу ужинать с вами сегодня вечером.

— Не капризничай, — Чжэн Инь пошёл следом, чтобы остановить его. Но когда он почти догнал Цао Е, тот бросился бежать. Он бежал быстро, как ветер. Край футболки взметнулся, обнажив тонкую талию. В мгновение ока он миновал несколько павильонов, оставив Чжэн Иня далеко позади.

— Ты куда?! — крикнул Чжэн Инь, не в силах догнать его.

Цао Е поднял руку и дважды махнул ею, не оборачиваясь. Издалека донёсся его голос:

— Не твоё дело!

Чжэн Инь вздохнул, глядя ему вслед. Постояв немного, чтобы отдышаться, он пошёл обратно в павильон, свернув в коридор. Ему нужно было поговорить с Лян Сычжэ. Он знал, что тот был в туалетной кабинке и всё слышал.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130229>